

ИОСКЕВИЧ МАРИНА МИХАЙЛОВНА
(Гродно, Беларусь)

Мифологический подтекст «мессианской» деятельности героя в трилогии «На ростанях» Я. Коласа

Аннотация: В статье раскрывается мифологическая последовательность функций главного героя в трилогии «На ростанях» Я. Коласа, которая признается одним из значимых белорусских произведений революционной тематики. Полная реализация представленной функциональной последовательности формирует мифологический подтекст «мессианской» деятельности героя, усиленный библейскими аллюзиями и реминисценциями на эксплицитном уровне художественного текста, что способствует внедрению социального мифа о необходимости революционных преобразований в читательское сознание.

Ключевые слова: структурная мифокритика; социальный миф; трилогия Я. Коласа «На ростанях»; Великая Октябрьская социалистическая революция

Социальная мифология обеспечивает «процесс порождения действительности» (ГРИЦЕНКО 2006: 84), выступает как система «онтологизированных семиотических ценностей, которые актуальны в данной конкретной социокультурной общности» (СОБОЛЕВА 1999: 148). Исследователи говорят об «очевидной регулятивной функции мифа, который является одним из *важнейших механизмов организации социальной, хозяйственной и культурной жизни коллектива*. Миф представляет целостное знание о мире, миропонимание, с его помощью организуется и регламентируется жизнь общественного человека. Миф обуславливает правила социального поведения и систему ценностных ориентаций» (НЕКЛЮДОВ 2005: 17–38), способствует гармонизации и единению общества. Без идеологии, которая предстает как «национальная мифология», нация перестает быть нацией и рискует «вовсе прекратить свое историческое бытие даже как народ» (ПОЛОСИН 1999: 207).

Художественное произведение может выступать одним из средств внедрения социального мифа, оказывать идеологическое воздействие на читательское сознание, обладая ярко выраженной воспитательной функцией. Ярким примером подобных книг выступают произведения советской эпохи, созданные в русле социалистического реализма. Тематика подобных произведений определялась социальным заказом.

По мнению А. Иванова, архаический пласт представляет собой основу социального мифа, «совокупность устойчивых мифологических архетипов, которые имплицитно присутствуют на уровне менталитета» (ИВАНОВ 2017б: 26). На уровне конъюнктурного компонента социального мифа, в основе которого лежит архаический пласт, «происходит рационально-теоретическая обработка исходных мифологических архетипов и их трансформация в четко сформулированные идеи, концепты, программы действия, в конечном счете, идеологии» (ИВАНОВ 2017а: 16).

Как мы полагаем, подобную структуру, состоящую из архаического пласта, на который «наслаивается» актуальный идеологический компонент, имеют и произведения, транслирующие социальный миф в читательское восприятие. Писатели советской эпохи не могли избежать воздействия социального мифа (это невозможно для авторов любой эпохи – «трудно порвать с мышлением государства, которое присутствует даже в сокровенных наших мыслях» (БУРДЬЕ 2007: 221) и необходимости отражать основные идеологические установки, что было условием прохождения цензуры и нашло отражение на различных уровнях поэтики художественных произведений.

Архаический миф о сотворении мира отразился в представлении о том, что Великая Октябрьская социалистическая революция положила начало новой эры в истории человечества. Утверждалось, что в царской империи царила власть капиталистов, трудящиеся сталкивались с общественным неравенством и притеснением. По словам С. Рязановой, «начиная от листовок РСДРП – “Всякий победный шаг революции спасет сотни тысяч и миллионы людей от смерти, от разорения и голода”» (РЯЗАНОВА 2009: 19), и «вплоть до программ КПСС дается описание революционного события как архетипического, с обязательной функцией мироустройства» (РЯЗАНОВА 2009: 138). Соответственно, в результате свершения Великой Октябрьской социалистической революции образовалась новая коммунистическая общественно-экономическая формация.

Как мы полагаем, представление о революции как сотворении нового мира закономерно отразилось в литературе. Создание книг революционной тематики было вызвано необходимостью оправдать появление нового мира, неизбежность перехода к иному государственному строю. Образ героя-революционера несет значимый воспитательный посыл, «обладает мифологическим подтекстом мессии, несущего “новую веру”, ведущего подготовку и осуществление “акта творения” – революции» (ИОСКЕВИЧ 2023б: 501), которая приведет к возникновению справедливого общественного устройства. Революционный мессианизм стал основой советской социальной мифологии, что закономерно отразилось в литературе социалистического реализма. Наличие в революционных произведениях библейского подтекста некоторые исследователи связывают с традициями житийной литературы. Так, Ю. Борев

отмечает, что «роман Н. Островского “Как закалялась сталь” по своей внутренней структуре напоминает житие» (БОРЕВ 2008: 124–125). Г. Хазагеров пишет о том, что авторы, развивающие в своих произведениях революционную идею, «явно опирались на традиции жития» (ХАЗАГЕРОВ 2000: 85).

Как мы полагаем, произведения, обладающие способностью транслировать социальный миф в читательское восприятие, имеют определенную последовательность функций, составляющих мифологическую композиционную основу: «Функция 1 (F1) – герой оказывается в “мертвом мире”. Функция 2 (F2) – герой испытывает “недостачу” (термин В. Проппа). Функция 3 (F3) – деяния героя по преобразованию “мертвого мира”. Функция 4 (F4) – герой “претерпевает” (испытания, страдания, смерть). Функция 5 (F5) – “возрождение” героя» (ИОСКЕВИЧ 2021a: 162). Эта последовательность функций отражает композицию библесского мифа как одного из вариантов мономифа об умирающем и возрождающемся божестве, который также выступает в качестве смысловой основы многих религиозных культов (Осириса, Диониса, Аттиса, Митры, Христа). Придание герою божественных черт является к тому же распространенной социально-политической практикой, призванной возвышать, сакрализовать образ героя и его деяния, побуждать следовать его примеру. Указанная последовательность функций характерна для произведений революционной тематики, представляющих царскую империю как мифологический «мертвый» мир и оправдывающих необходимость революционных преобразований. Таким образом, исследование будет осуществляться в русле структурной мифокритики, ставящей целью раскрыть структуру мифа (к примеру, в работах В. Проппа и Дж. Кэмпбелла), а также обосновать типологическое сходство художественных произведений на основе мифологического структурного построения.

Цель данной статьи – раскрыть мифологическую композиционную основу одного из значимых белорусских произведений революционной тематики – трилогии «На ростанях» Я. Коласа, эпоса о судьбах крестьян и интеллигенции в начале XX в. Первая книга автобиографичной трилогии Я. Коласа «На ростанях» вышла в печать в 1923 г. и определялась автором как бытовая повесть. В двух последующих повестях события, происходящие с главным героем, Лобановичем, отражают путь в революционное движение самого Я. Коласа. Однако исследователи отмечают, что «нельга поўнасьцю атаясамліваць аўтара з яго героем» (ШАМЯКІНА 2010: 38).

Герой оказывается в «мертвом мире» (F1). Учитель Андрей Лобанович приезжает в глухую полесскую деревню, окруженную лесами и болотами, мифологическими границами «живого» и «мертвого» миров. Учитель рад приступить к работе, познакомиться с местной интелли-

генцией и полешуками, однако ощущает «адарванасць ад жыцця і свету» (КОЛАС 1972: 19), чувствует себя «як бы чымся звязаным, як бы на ім была надзета цесная адзежына» (КОЛАС 1972: 16), оказавшись в метафорическом «мертвом пространстве» полесской глуши.

Временами «мертвый» пейзаж оказывается созвучен внутреннему состоянию героя, оторванного от родных и друзей, – его мучают мысли о бессмысленности жизни и даже самоубийстве. Глушь, которая сперва прельщает Лобановича возможностью работать спокойно, без помех, со временем начинает оказывать воздействие на психологическое состояние героя. При встрече со старым другом Турсевичем он признается: «Вельмі добра хоць зрэдку сустракацца з *жывым* (курсив наш. – М. И.) чалавекам, пагаманіць, адвесці душу. А то жывеш у глушы, дзе *жывога* (курсив наш. – М. И.) слова не пачуеш, жывеш адзін. І думкі розныя бываюць; мігатнуцца ў тваёй галаве, як цень на зямлі ад легкой хмаркі, і забудуцца, як бы асуджаныя на зніштажэнне. А гэты дробны клопат штодзённага жыцця, нецікавага, часта пустога і нікчэмнага, прыніжае цябе, выціскае з цябе ўсе больш вартоўнае» (КОЛАС 1972: 72).

Деревня, где оказывается учитель, построена беспорядочно, во всем видятся следы неряшливости, улицы полны грязи. Это описание противоречит образу обычной белорусской деревни, в которой, по словам повествователя, царят лад и порядок, подтверждая принадлежность Тельшино к «мертвому миру»: «На ўсім ляжала пячаць нядбаласці і нейкай недаробленасці, як бы тутэйшыя гаспадары будаваліся на скорую руку і ўсё рабілі да часу і яшчэ не управіліся даць той лад і парадак, якім, наогул, адзначаецца беларуская вёска» (КОЛАС 1972: 16). По словам Турсевича, здесь даже люди отличаются своим характером: «І дзеці ў школе не тыя. У іх больш сардэчнасці. Больш, ведаеш, гэтай чалавечнасці, а твае палешукі – проста звяркі» (КОЛАС 1972: 73). Эта разница в характерах, обусловленных локально-региональными различиями, призвана, с одной стороны, подчеркнуть неоднородность белорусского общества, обозначить различные ментальные типы, которые требуют к себе различных подходов в просветительской деятельности, а с другой стороны, свидетельствует о его разобщенности и, как результат, низком уровне общественного сознания.

Образ «мертвой» глухой деревни призван не только усилить читательское восприятие ее оторванности от внешней жизни, но и раскрыть «темноту» крестьянского сознания. Крестьяне живут в замкнутом самодостаточном мире, в котором не изжиты языческие представления. Бабка Марья рассказывает учителю о нечистой силе, в существование которой верят и другие полешуки. Накануне церковного праздника возникает путаница в датах, которую не могут разрешить всей деревней, незнакомой с существованием календаря. Зачастую крестьяне вступают в перепалку и даже драку со священником, не обнаруживая почтения к его сану.

Лобанович знакомится с местной интеллигенцией, которая проводит дни в застольях, разговорах о женщинах, игре в карты. «Ну, будзем служыць набажэнства» (КОЛАС 1972: 201), – говорит Помахайлик, тасуя колоду карт. Сравнение игры в карты с богослужением призвано подчеркнуть духовную нищету и порочность так называемой интеллигенции, которая пребывает в «грязи» низменных интересов. Ее основной интерес можно охарактеризовать как материально-телесный: «Рука прагавітасці кладзе на іх свае пячаці і выводзіць звера з глыбінь вашае істоты» (КОЛАС 1972: 211). Хозяйство, достаток, выгодная женитьба – вот основные стремления сельского «общества».

За внешним фасадом благопристойности может скрываться распущенность и даже насилие. Помощник начальника разъезда Суховаров похвальноется, что на днях «залучыў ён да сябе адну маладзіцу» (КОЛАС 1972: 65). Максим Горошко рассказывает Лобановичу про связь с женой отца Кирилла. В семье подловчего рано умирает первая пани Баранкевич, не выдержав издевательств и побоев мужа. Вторая пани подловчая может поведать о невзгодах своей жизни только приезжему Лобановичу, не находя в себе сил оставить семейство, для которого она так и не стала родной. Редактор Бухберг, которого считают сумасшедшим, обращается к «мертвому» панямонскому обществу со словами, стилизованными под речь библейских пророков: «бо вы замкнуліся ў цесныя сцены, вы прыйшлі ў катух, поўны смуроду, вы атруцілі яго сваім дыханнем» (КОЛАС 1972: 210), «я бачу трупныя цені на ваших тварах» (КОЛАС 1972: 211). Ограниченность большинства представителей интеллигенции, которые узостью своих взглядов, а иногда и поведением, мало чем отличаются от необразованных крестьян, осуждается и героем, и автором. Не случайно Лобанович заявляет, что местечко, средоточие местного общества, – еще большая глушь, чем его деревня.

В противоположность местечковой интеллигенции, учитель принадлежит «живому» миру, читает книгу о звездных мирах, мечтает о путешествиях, «живой» исследовательской и общественной работе: «Яго цягнула вольная праца ў невядомых прасторах людскога жыцця, яму хацелася пашырыць свой круггляд, набыць тыя веды, якіх яму так бракавала. Яго, наогул, захапляла і вабіла жыццё з прынаднымі малюнкамі і таемнымі чарамі» (КОЛАС 1972: 84). По словам И. Науменко, «жыццёвымі пошукамі, імкненнямі, нарэшце, асабістым ўдзелам у рэвалюцыйным змаганні Лобановіч выявіць у сабе перш за ўсё натуру грамадскую, для якой аснова шчасця ў “дзейнасці для ўсіх”. <...> Лобановіч з самага пачатку жыццёвай дарогі адмаўляе соннае балота абывацельскага існавання» (НАВУМЕНКА 1982: 149).

Со временем Лобанович начинает понимать, что в нем растет неудовлетворенность жизнью, в душу все чаще закрадывается чувство одиночества. Даже работа в школе, к которой молодой человек подходил

очень ответственно, начинает казаться бессмысленной. Учитель осознает, что может сделать больше для народа на стезе просвещения, чем заниматься только служебной деятельностью, что означает «павольнае ўміранне душы і зацягванне балотам» и как результат – «грамадзянскую смерць» (КОЛАС 1972: 132).

Герой знакомится с революционными идеями (F2). «Прозрение» героя трилогии «На ростанях» происходит посредством нелегальной брошюры. Знакомство с молодой учительницей Андросовой, ее обещание снабдить Лобановича нелегальной литературой, свести с членами революционной организации мы рассматриваем как реминисценцию на библейский сюжет соблазнения Адама Евой, что приводит к утрате первыми людьми райского блаженства. Для Лобановича рушится привычное миропонимание, социальный порядок и образ царя раскрываются с иной стороны. Идея искушения отражена и во мнении священника о нелегальных прокламациях: «Калі злы дух намерваецца спакусіць чалавека, ён абяцае яму залатыя горы» (КОЛАС 1972: 298). Дьячок на уроке Закона Божьего в вольном комическом пересказе также знакомит детей с этой библейской историей. Как мы полагаем, Я. Колас придавал большое значение раскрытию данного подтекста «проницательным» читателем. Ольга Андросова с неприязнью относится к учительскому делу, поскольку не верит в его смысл, ведь учительская профессия направлена на утверждение социального мифа царизма, забивание детских голов «казенной трухой». Иных сторон в профессии учителя она не видит, а во время социальных волнений признается, что и вовсе забросила школу, полностью сосредоточившись на нелегальной деятельности, которая для революционеров выходит на первый план, подавляя идею просвещения народа. По словам А. Петрушкевич, «гэта чалавек з іншага свету, “перакуленага”, карнавальнага, цынічнага у сваёй аснове» (ПЕТРУШКЕВІЧ 2021: 159).

Если Ольга Андросова приводит героя к «новой вере» в необходимость свершения революции, то новая учительница Панямони Тамара Алексеевна устанавливает комический обряд посвящения в «языческую веру», что также соотносится с мотивом соблазнения: «настаўніца падышла блізенька, працягнула руку і ўзяла Садовіча за вуха і павяла яго вакол стала пад громкі смех прысутных» (КОЛАС 1972: 201). В мифологической традиции стол является неотъемлемым атрибутом ритуалов, а ухо – каналом связи между внешним и внутренним миром человека. Этот шуточный ритуал мы интерпретируем как приведение Садовича в «веру» всех присутствующих – жить материально-телесными интересами, ради собственной выгоды, что после отразится во внезапном отъезде Садовича в Америку. Очевидно противопоставление «языческой веры» материальных интересов, соотносящейся с местечковым укладом, и «новой веры» (действовать во благо народа), несущей иную систему ценностей.

Лобанович-«пустельник» сопротивляется посвящению в «языческую веру», подобно Христу в пустыне, которого искушал дьявол.

«Як той старажытны біблейскі прарок» (КОЛАС 1972: 209) выступае і Бухберг, рэдактар «Панямонскіх вядомасцей», які прабудзіць свядомасць мясцовай інтэлігенцыі. Рэч Бухберга, адрасаваная ігракам за зеленым сталом, стылізаваная пад біблейскі тэкст: «Вы, у каго ёсць вушы, каб чуць, і вочы, каб бачыць! Ідзіце на прастор, разніміце крылле мыслі, каб пазнаць парадак рэчаў і атрэсці фуз, бруд і пыл, бо імі заслеплены вочы вашы» (КОЛАС 1972: 210). Рэдактара лічаць юродзівым, сумасшедшым, пазжэ он пападае ў дом для умалішаных, што з'яўляецца адной з разнавіднасцей сімвалічнай смерці, претэрпевання рады «новай веры».

У сваёй аўтабіяграфіі Я. Колас адзначае, што нелегальная літаратура «зрабіла ва мне цэлы пераварот, даўшы ход маім разважанням у зусім новым напрамку. Газеты радыкальнага характару, японская вайна, гутаркі настаўнікаў, землякоў, якіх сустракаў летам, накіравалі мяне на рэвалюцыйны шлях. У 1905 годзе я быў ужо заўзатым ворагам самадзяржаў і ў гэтым напрамку вёў работу» (КОЛАС 1963: 289). У трылогіі нелегальная брашура прыносіць Лобановічу радасць пазнання «новай праўды, той праўды, што ў няяснай постаці вякамі жыве ў мужыцкім сэрцы, бунтуючы дух і падымаючы яго на паўстанні, той праўды, за якую лепшыя дзеці народа марнелі па астрогах, гібелі і чэзлі ў ссылаках, на катарзе або ў росквіце жыцця складалі галовы па цёмных сутарэннях. І ўсе гэтыя мучанікі за праўду выклікалі здзіўленне і глыбокае спачуванне і з непераможнаю сілаю хілілі на тую цярністую пуціну пакуты (біблейская аллюзія – *М. И.*), па якой ішлі яны» (КОЛАС 1972: 294). Данная фраза, адсылаючая чытацеля к образу хрысціянскіх мучанікаў, безумоўна, порождана рэвалюцыйнай эпохай і ўводзіцца для дэманстрацыі канчатковага фарміравання сістэмы цэннасцей галоўнага героя. Отныне настаўнік будзе сапранаваць сябе з тымі прадстаўнікамі інтэлігенцыі, для якіх смислом жыцця стала вера ў рэвалюцыю.

Герой займаецца рэвалюцыйнай дзейнасцю (F3). Першая кніга трылогіі, згодна змыслу аўтара, была адрасаваная праблеме народнага просвешчання, настаўніцтва і не змяшчала астрой сацыяльнай праблематыкі. Аднак яна правдыво раскрывала гісторыю роднага края, жыццё беларускага народа, сялян і інтэлігенцыі.

У другой кнізе трылогіі Лобановіч займаецца нелегальнай работай, вядзе размовы з сялянамі аб нясправядлівасці існуючага строю, спрабуе разбурыць сацыяльны міф, прадполагаючы веру ў «справядлівага» цара, раўна заботячага аб усіх сваіх падданых, ацця народа («царь-батюшка»). Як вядома, ідэалагічнай платформай царызма быў лозунг «праваславіе, самодержавіе і народнасць», дзе пад «народнасцю» разумелася паслушанне ўладам і тэрпенье. Трылогія

демонстрирует, как эта истина внедряется в народное сознание при помощи средств массовой печати, визуальных образов – портретов, висящих в каждом учреждении, а также через систему образования. Между тем Лобанович видит разницу между реальной жизнью и идеологическими установками, что побуждает его задуматься о необходимости собственного вклада в разрушение социального мифа царизма посредством просветительской работы с крестьянами. Крестьяне же твердо убеждены, что «прижим» ведется исключительно со стороны панов-помещиков, а царь является народным заступником и воплощает идею справедливости.

Крестьяне, ради которых социал-демократы идут на жертвы, настоятельно относятся к их идеям. Именно крестьянин выдает Лобановича и Тукалу уряднику. Здесь очевидна библейская аллюзия, ведь именно толпа народа обрекла Христа, пришедшего спасти человечество от греха, на распятие. Крестьяне вовсе не мечтают о кардинальных переменах, их волнует лишь разрешение частных вопросов. Безусловно, читатель времен создания романа должен был относиться к мнению крестьян критически, ведь эти необразованные люди не осознавали важности происходящего, не способны были разобраться в политической ситуации, оценить старания революционеров, готовых погибнуть ради народного блага. Однако эта точка зрения может рассматриваться как способ разрушения социального мифа, намеренно или неосознанно используемый автором.

Герой «претерпевает»: попадает в тюрьму, ссылку, на каторгу либо гибнет (F4). Для всех повестей трилогии «На ростанях» характерна единая структура хронотопа. Пространство связано с тремя деревнями, в которые попадает Лобанович, время – циклично, соотносится с учебным годом, между тем первые две книги заканчиваются символической смертью героя. Первая часть, в которой важна любовная сюжетная линия, повествует о «смерти» героя как невозможности оставаться в глухом Тельшино, прекращении его отношений с любимой девушкой, что преломляется в шуточном диалоге: «Я памёр ужо, – трагічна прамовіў Лабановіч. – Дык гэта вас хаваць тут будуць? – жартавала яна. – Можа, пабегчы пасклікаць баб, каб паплакалі па вас?» (КОЛАС 1972: 136).

Вторая книга трилогии, в которой все громче заявляет о себе социальный контекст, также заканчивается символической смертью главного героя – его арестом за помощь крестьянам в обращении к помещику. Связь с Лобановичем для законопослушных граждан становится опасной, и его ученицу Лиду не принимают в городскую гимназию, несмотря на отличные знания. Появление опальных учителей в доме Широкого вызывает у Тараса Ивановича беспокойство и страх, с которыми он, впрочем, очень быстро справляется и не подает виду, что подвергается

опасности. Другие панямонцы смотрят на гостей, «нібы яны прыйшлі з таго свету» (КОЛАС 1972: 549) (курсив наш – М. И.).

В третьей книге трилогии символическая смерть также имеет место – это заключение героя на три года в крепость по несправедливому обвинению в написании нелегального воззвания к учителям. В суде внимание Лобановича привлекает помост, который он мысленно называет Голгофой – местом страдания. Показания экспертов при сверке почерков Лобановича и автора воззвания расходятся, однако, по словам прокурора, «самым аўтарытэтным экспертам ёсць суд» (КОЛАС 1972: 659). В царской империи человеку, выступившему против установленного миропорядка, невозможно добиться справедливости. Все старания адвоката и свидетельства экспертов в пользу Лобановича оказываются напрасными, поскольку обвинительный приговор был подписан заранее. Сам Я. Колас с горечью вспоминал это судебное заседание: «Лістоўку бралі на экспертызу двойчы. Першы раз эксперты далі патрэбныя суду звесткі. Другі раз прызналі, што рука не мая. Пракурор як усхопіцца! І давай: “З прычыны разыходжанняў у поглядах экспертаў, гаспада суддзі, патрабую Міцкевіча асудзіць”. Так што ў іх усё было вырашана загадзя. Не ўдавалася пасадзіць за падабенства, дык пасадзілі за разыходжанне паміж экспертамі...» (МАЛЯЎКА 2011: 35).

Лобанович страдает за «грехи» своих друзей и претерпевает символическую «смерть» в заключении. «Свои» предают главного героя, подобно тому как Петр отрекся от Иисуса. После учительского съезда спасаются бегством в Америку Алесь Садович и Ничыпар Янковец. Друг Янка Тукала, который раздобыл прокламацию, перестает писать Лобановичу после появления в газетах сообщения о постановлении Виленской судебной палаты и «умирает» для Лобановича: «Эх, Янка! Ці гадаў ты, што я паеду з ураднікам каля твае хаты і не зайду ў яе? Але цябе тут няма, і ты маўчыш, не прамовіш мне ніводнага слова! Няўжо ж ты памёр для мяне?» (КОЛАС 1972: 646). Родные Андрея, предчувствуя беду, относятся к нему как к «вялікаму, хоць яшчэ невядомому пакутніку» (КОЛАС 1972: 652).

«Мертвый мир» острога, который выглядит как грязная трущоба, сперва пугает Лобановича. Учитель не раскаивается в своих поступках, осознавая неизбежность заключения, хотя и сожалеет о трех годах жизни, которые будут потрачены впустую. Однако и здесь течет жизнь, хоть и иная, чем на воле. Аллюзия на мученический подвиг Христа, необходимость «нести свой крест» отражены в шуточном письме, которое Андрей с друзьями отправляют своему другу, написавшему призыв к учительскому сходу. На рисунке изображен молодой человек в одежде сельского учителя с огромным деревянным крестом на плечах. Под рисунком слова пророка Исайи: «Той грехи наши понесе, и язвою его мы исцелихомся» (КОЛАС 1972: 685). Учителя в остроге уподобляются

Христу, пострадавшему за новое учение, но они не раскаиваются, полагая, что народное счастье нельзя добыть без страданий и потерь.

Возрождение героя (F5). Трилогия «На ростанях» заканчивается выходом Лобановича из тюрьмы, его «воскресением», «возрождением» для новой жизни: «Смерць – пачатак новага жыцця» (КОЛАС 1972: 532). Герой направляется «насустрач жыццю і яго прыгодам» (КОЛАС 1972: 694). Лобанович, по его собственным словам, находится «на ростанях», он еще не решил, к какой политической партии примкнет в дальнейшем. Однако повествователь утверждает, что в своей жизни Лобанович будет руководствоваться заветом Голубовича, революционера-большевика, выступающего в роли проповедника о единственно верном учении – марксизме, который будет указывать герою путь, словно маяк. Для героя революционное движение – это «живая вода», которая таится в сердцах людей.

Таким образом, композиция трилогии «На ростанях» Я. Коласа основана на последовательности функций главного героя, которая раскрывает мифологический подтекст его «мессианской» деятельности, готовности к самопожертвованию ради народного блага. В трилогии мессианский подтекст усиливается с помощью библейских аллюзий и реминисценций. Это формирует его положительный образ в читательском восприятии и способствует внедрению социального мифа о необходимости общественных перемен.

Литература

- БОРЕВ 2008 = Боров Ю.Б. Социалистический реализм: взгляд современника и современный взгляд. Москва, 2008.
- БУРДЬЕ 2007 = Бурдьё П. Дух государства: генезис и структура бюрократического поля // Социология социального пространства. Москва – Санкт-Петербург, 2007. 220–254.
- ГРИЦЕНКО 2006 = Гриценко В.П. Социальная семиотика. Екатеринбург, 2006.
- ИВАНОВ 2017а = Иванов А.Г. Политика как пространство эксплуатации идеологиями политических мифов // Изв. Саратовского ун-та. 2017. Т. 17, вып. 1. 13–18. DOI: [10.18500/1819-7671-2017-17-1-13-18](https://doi.org/10.18500/1819-7671-2017-17-1-13-18)
- ИВАНОВ 2017б = Иванов А.Г. Социальная мифология в политике // Logos et praxis, 2017. Vol. 16, № 3. 23–31. DOI: [10.15688/lp.jvolsu.2017.3.4](https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2017.3.4)
- ИОСКЕВИЧ 2021а = Иоскевич М.М. Социальный миф и повседневность на сюжетно-композиционном уровне дилогии В. Карпова «За годом год» // Общие и частные вопросы филологии и переводоведения в контексте межкультурного взаимодействия: сб. ст. Чебоксары, 2021. 161–166.
- ИОСКЕВИЧ 2023б = Иоскевич М.М. Травмирующее воздействие социального мифа на авторское сознание (на материале романа «Сын» Р. Мурашко) // Энергия травмы: сб. ст. Гродно, 2023. 499–509.
- КОЛАС 1963 = Колас Я. Аўтабіяграфія // Пяцьдзсят чатыры дарогі. Аўтабіяграфіі беларускіх пісьменнікаў. Мінск, 1963.

- КОЛАС 1972 = Колас Я. На ростанях: трылогія. Мінск, 1972.
- ЛЕНИН 1967 = Ленин В.И. Воззвание к солдатам всех воюющих стран // Голос Великой революции: сб. Москва, 1967. 16–25.
- МАЛЯЎКА 2011 = Маляўка М. Коласаў абярэг: дзецям пра Якуба Коласа. Мінск, 2011.
- НАВУМЕНКА 1982 = Навуменка І. Якуб Колас: нарыс жыцця і творчасці. Мінск, 1982.
- НЕКЛЮДОВ 2005 = Неклюдов С.Ю. Структура и функция мифа // Современная российская мифология: сб. ст. Москва, 2005. 9–26.
- ПЕТРУШКЕВІЧ 2021 = Петрушкевіч А.М. Жаночыя вобразы ў трылогіі Якуба Коласа «На ростанях» // Слова класічнай вышыня: (да 130-годдзя з дня нараджэння Янкі Купалы і Якуба Коласа): зб. навук. прац. Гродна, 2021. 153–160.
- ПОЛОСИН 1999 = Полосин В.С. Миф. Религия. Государство. Москва, 1999.
- РЯЗАНОВА 2009 = Рязанова С.В. Архаические мифологемы в политическом пространстве современности: моногр. Пермь, 2009.
- СОБОЛЕВА 1999 = Соболева Н.И. Социальная мифология: социокультурный аспект // Социологические исследования. 1999. № 10. 145–148.
- ХАЗЕГЕРОВ 2000 = Хазагеров Г.Г. *Введение в русскую филологию*: учеб. пособие для высш. шк. *Екатеринбург, 2000.*
- ШАМЯКІНА 2010 = Шамякіна Т.І. Трылогія Якуба Коласа «На ростанях» // Беларуская мова і літаратура. 2010. № 4. 37–49.

The Mythological Implication of the “Messianic” Activity of the Hero in the Trilogy “At the Crossroads” by Ya. Kolas. The article reveals the mythological sequence of the main character’s functions in the trilogy “At the Crossroads” by Ya. Kolas, which is recognized as one of the most significant Belarusian literary works on revolutionary theme. The full realization of the presented functional sequence forms the mythological subtext of the “Messianic” activity of the hero, reinforced by biblical allusions and reminiscences at the explicit level of the literary text, which contributes to the introduction of the social myth of the need for revolutionary transformations into the reader’s consciousness.

Keywords: structural mythocriticism; social myth; the trilogy “At the Crossroads” by Ya. Kolas, the Great October Socialist Revolution